

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

И. С. Вдовин

СЛЕДЫ АЛЕУТСКО-ЭСКИМОССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАМЧАТКИ

Поиски связей алеутской культуры с культурами раннего населения тихоокеанского побережья Сибири, в частности Камчатки, находят себе оправдание прежде всего в идее азиатского происхождения алеутов. Попытка систематизировать и обобщить имеющиеся по этому вопросу сведения и составляет основную задачу данной работы.

Алеуты вместе с эскимосами представляют одну языковую и культурную общность. Вопрос об эскимосском влиянии на северо-восточных палеоазиатов в известной мере уже разработан.

На наличие эскимосских элементов в культуре северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков, ительменов) в свое время указывали В. Г. Богораз и В. И. Йохельсон. Так, В. Г. Богораз отметил, в частности, влияние эскимосов на антропологический облик северо-восточных палеоазиатов. Он считал, что «можно говорить прямо об эскимосской этнической струе в самом составе чукотской группы народностей» [2, 357]¹.

Сопоставляя основные элементы материальной и духовной культуры чукчей, коряков, ительменов и эскимосов, В. Г. Богораз пришел к выводу, что «материальная и духовная культура чукоч и коряков, а также отчасти камчадалов обнаруживает глубокие следы эскимосского влияния [2, 356]².

В. И. Йохельсон также признавал глубокое эскимосское влияние на развитие культуры коряков. Их влияние он находил в религиозных представлениях и в материальной культуре коряков, в связи с чем высказал предположение, что между коряками и эскимосами в какой-то минувший период существовало непосредственное соприкосновение. «Где и когда оно имело место,— писал он,— этот вопрос остается до сих пор открытым» [38, 359]. К сожалению, оба исследователя палеоазиатов северо-востока мало уделили внимания этой проблеме. Выявлению и исследованию элементов эскимосской культуры, степени их проникновения в культуру чукчей и коряков посвящена специальная работа автора данной статьи [6].

¹ Исследованиями советских антропологов эти предположения подтвердились [см. 9, 114].

² Более подробные и конкретные указания относительно общих черт материальной культуры чукчей, коряков и эскимосов см. [28]. Общие черты духовной культуры чукчей, отчасти коряков и эскимосов специально отмечены в работе В. Г. Богораз-Тана «Чукчи», ч. II. Религия [3, 27, 29, 46, 61, 66, 68, 69, 84, 95—97 и др.].

Намного меньше сделано для выделения алеутских элементов в культуре населения тихоокеанского побережья Камчатки. Собственно, поиски в этом направлении только начинаются.

В связи с поисками решения вопроса о путях заселения Американского материка рядом ученых высказывалось мнение, что гряда Алеутских островов была одним из вероятных направлений, по которому шли культурные связи Азии с Америкой. Ф. де Лагуна [40, 3], Х. Б. Коллинз [30] и другие авторы нашли общие элементы культуры, прослеживаемые на Курильских островах и Камчатке, с одной стороны, и на Алеутских островах — с другой. К числу таких общих элементов они относили некоторые формы наконечников поворотных гарпунов, костяные наконечники стрел без зубцов, овальной формы каменные светильники (лампы), охотничьи светильники со специальным отверстием (ушком), вход в жилище через проем в кровле и некоторые другие. По мнению Х. Б. Коллинза, культурные связи Алеутских островов с Камчаткой совершенно очевидны.

Таковы в общих чертах основные итоги исследований проблемы культурных связей Камчатки и Алеутских островов.

К настоящему времени наукой накоплены новые археологические, этнографические, лингвистические и другие данные, которые позволяют на более широком материале поставить проблему историко-культурных связей северо-восточных палеоазиатов, в частности ительменов и коряков восточного побережья Камчатки, не только с эскимосами, но и с алеутами. Следы алеутско-эскимосского влияния на эти коренные народы Камчатки прослеживаются в материальной культуре, в их антропологическом облике, в прикладном и изобразительном искусстве, в языке и топонимике, в некоторых обычаях.

Уже раскопки В. И. Иохельсона на восточном побережье Камчатки [13; 35] дали ряд предметов, почти абсолютно сходных с аналогичными предметами, найденными им же при раскопках на Алеутских островах [36]. Следует отметить лабрет, которые были найдены при раскопках около с. Сероглазка на Камчатке [13, вып. 4, 352, № 2163]. Как известно, ни древние, ни современные ительмены не пользовались такими украшениями. В то же время внешний вид найденных на Камчатке лабрет оказался сходным с некоторыми из найденных на Алеутских островах.

На берегу оз. Налычева, также на Камчатке, был найден, как писал В. И. Иохельсон, «обломок маленького наконечника из обсидиана, подобный алеутскому хирургическому ланцету» [13, вып. 4, 355]³.

Однако еще большее сходство, притом в деталях, обнаруживают каменные лампы (жирники-светильники), найденные на Камчатке и на Алеутских островах. Они одинаковы не только по форме. На Камчатке и на Алеутских островах, как правило, все каменные лампы имеют вытянутые формы: яйцеобразную, усеченную эллипсообразную. В отличие от эскимосских и чукотских алеутские и ительменские каменные лампы не имеют внутренних перегородок. Кроме того, некоторые камчатские и алеутские каменные лампы имеют на одном из концов специальное ушко (отверстие), которое предназначалось, как писал В. И. Иохельсон, для прикрепления к носу байдари или к нарте⁴. Этой деталью еще больше усиливаются общность и сходство алеутских и ительменских каменных ламп. Интересно отметить в этой связи, что нос байда-

³ Хирургический ланцет алеутов опубликован: [36, 60, fig. 60].

⁴ Формы каменных ламп с Камчатки см. [35, табл. 14, 15], а сходные с ними по форме лампы, найденные на Алеутских островах, см. [36, табл. 18].

ры у чукчей называется ээк, т. е. лампа-светильник (жирник). То же значение в названии носа байдары и у сибирских эскимосов.

В таком же плане подтверждения реальных связей древнего населения Камчатки с алеутами высказывается и Н. Н. Диков. По мнению этого исследователя, видимо, во II тысячелетии до н. э. «своеобразные фигурные скребки и ножи, а также продолговатые острообушковые шлифованные тесла широко входят в быт на Камчатке и оттуда распространяются на Алеутские острова» [11, 11]. Лабрет, найденная им во втором слое Ушковской стоянки, «имеет уплощенную с боков шляпообразную форму и поразительно напоминает наиболее крупные образцы подобных мужских губных украшений как у алеутов, так и у эскимосов» [11, 12—13]. Кроме того, на берегу бухты Тарья, где археологические раскопки производились уже неоднократно, были обнаружены проколки, которыми делали отверстия в губах для лабрет [11, 13].

Наличие целого ряда находок, притом из разных мест, и не только самих лабрет, но и проколок для них, видимо, исключает элемент случайности и достаточно убедительно свидетельствует о распространении в прошлом на восточном побережье Камчатки украшений алеутско-эскимосского типа.

По мнению Н. Н. Дикова, этим не исчерпывается сходство в материальной культуре древнего населения Камчатки с алеутами. Некоторые конструктивные особенности землянки на берегу Ушковского озера «напоминают подземные жилища ительменов», и в то же время четырехугольная форма ее с закругленными углами «составима также с древними округлыми землянками алеутов» [11, 12; ср. 17, 374; 8, т. II, 204—205].

Некоторое сходство обнаруживается и в летних шалашах алеутов и ительменов. Согласно С. П. Крашенинникову, ительмены на лето сооружали около балаганов наземные жилища, деревянный остов которых крыли травой. Такие жилища у них назывались «бажабаж». Не случайно это название было перенесено русскими промышленниками (вместе с ними было много ительменов) на летние жилища алеутов, которые также покрывались травой и назывались русскими «барборка» [8, 207; 17, 377].

Еще одним примером несомненных заимствований, в частности коряками, от алеутов является байдара. Корякская байдара по внешнему облику и конструктивно значительно отличается от байдар эскимосов и чукчей, но удивительно совпадает по форме, очертаниям кормы и носа и ряду других деталей с алеутской байдарой. Корякская и алеутская байдары в отличие от чукотской и эскимосской имеют полукруглые нос и корму, они более широкие и плоские, имеют другую конфигурацию днища. Помимо того, на алеутской и корякской байдарах имеется одна общая деталь — двурогое устройство на носу, через которое проходил лить гарпуна, вонзенного в добычу, что также отличает эти байдары от эскимосских и чукотских⁵.

Показательным в плане связей алеутов с коряками и ительменами восточного побережья Камчатки служит также использование теми и другими растительных материалов для плетения циновок, корзин, мешков и веревок. Плетение алеутов более совершенно и разнообразно, чем корякское. И тем не менее некоторые виды корзин, мешков и циновок коряков [21, 51, 110, 112, 113; 39, 630—645] имеют очевидное сходство

⁵ Данные об алеутской байдаре см. [8, т. II, 228; 32, 21], о корякской байдаре см. [14, 122; 39, 534, рис. 80].

с алеутскими⁶ как по форме, так и по технике исполнения, по используемым для плетения материалам (например, колосняк — *Elymus mollis*) и по строго геометрическим формам орнамента (зигзаги, полосы, прямоугольники).

По данным С. П. Крашенинникова, ительмены из колосняка плели циновки, которые «вместо ковров и занавесов употребляют». Лучшие из них «бывают с шахматами или другими фигурами, которые китовыми мелко разделенными усами выплетаются». Самое интересное в его сообщении то, что ительмены плели из травы «епанчи во всем подобные нашим старинным буркам» [17, 237]. Дело в том, что накидки из травы плелись и алеутками еще в начале этого столетия и использовались как верхняя одежда [37, 60].

Совершенно идентичным было, по-видимому, плетение «в косу» травяных веревок коряками и алеутами. Автору настоящей работы пришлось видеть такие веревки у коряков на месте старых поселений в бухте Карага и в заливе Корфа в устье р. Илирваам (Култушная). Они сходны с теми веревками, которые применялись алеутами, в частности, для обвязки мумий, найденных А. Грдличкой на о-ве Кагамил [34, 188].

Как видим, элементы общности у алеутов с коряками и ительменами прослеживаются во всем комплексе плетения.

В прошлом алеуты применяли тот же способ добывания огня — путем применения лучкового прибора, — как ительмены и коряки. «А некоторые, — сообщал в 1768 г. капитан Левашов об алеутах, — достают огонь и деревом, на подобие как сверлом вертят» [23, 102].

Некоторые сходные черты прослеживаются у древних алеутов с ительменами и в приемах приготовления пищи. Как отметил тот же Левашов, «мясо морских зверей, рыбу и коренья варят в сделанных из травы мешках, наподобие кулей рогозинных» [23, 128], очевидно, при помощи раскаленных камней, как то делали еще в начале XVIII в. ительмены.

Не менее убедительные подтверждения продолжительных, устойчивых и тесных контактов между алеутами и населением тихоокеанского побережья Камчатки дают изобразительное искусство и орнаментика этих народов. Подробные и обстоятельные исследования в этой области проведены С. В. Ивановым [15, 16]. Он привлек большой материал, что и дало ему возможность сделать ряд обоснованных выводов об историко-культурных связях этих народностей. Мы коснемся лишь некоторых из них.

При рассмотрении искусства северо-восточных палеоазиатов и алеутов обнаруживается поразительное сходство в манере изображения животных алеутами и коряками при серьезном различии с их ближайшими соседями (эскимосами для алеутов и чукчами для коряков). Коряки и алеуты изображают животных, в частности оленя, самих по себе, вне окружающей их среды, пейзаж почти полностью отсутствует, нет даже линии земли или моря, нет и перспективы [см. 15, 513—514]. В корякских коврах на черном фоне делались белые квадратные «окна», внутри которых размещалось силуэтное изображение оленей [15, 516, № 1]. Тот же прием находим у алеутов. Рисунки на алеутском луке [15, 482] расположены также в белых «окнах», где даны также силуэтные изображения оленей. Важно отметить, что при сравнении этих изображений прослежи-

⁶ Алеутские корзины хранятся в МАЭ: 4104—99, 100, 102; 337—4, 7; 2868—236, 237, 238 и др.

вадается удивительное сходство в трактовке поз животных, в деталях рисунка головы и т. п. То же следует сказать относительно изображений оленей, собак (волков?) на древке алеутского дротика [15, 480]. Они выполнены в той же манере, что и коряжские. Эти изображения животных, исполненные коряками и алеутами в XIX в., когда уже никаких связей между этими народами не было, настолько сходны и общи, что определить сразу, какое изображение принадлежит алеутам и какое корякам, без внимательного изучения почти невозможно.

В исследовании об орнаменте народов Сибири С. В. Иванов приходит к заключению, что «орнамент народов Крайнего Северо-Востока и алеутов имеет много общего, несмотря на различия в материале и технических приемах» [16, 169]. У тех и у других он «очень мелкий и строго геометрический по своим формам. Узоры отличаются простотой» [16, 170]. Исследуя приемы обработки кости и дерева, С. В. Иванов отмечает, что такие приемы, как линейная и мелкоямчатая резьба по кости, распространенная у алеутов, широко применяются также коряками, чукчами, азиатскими эскимосами и ительменами. Резьба с подцветкой известна только у алеутов и ительменов, циркулярная резьба — у алеутов, коряков, чукчей и азиатских эскимосов.

Точно так же совпадает ряд технических приемов при обработке дерева у северо-восточных палеоазиатов и алеутов [16, 173—174]. С. В. Иванов отмечает, что орнамент оседлых коряков, чукчей, в значительной мере ительменов и обнаруживающий близость к ним орнамент алеутов восходят к основе древнеэскимосского орнамента [16, 175]. Все же наибольшее сходство и совпадение наблюдаются в орнаментальных мотивах алеутов и коряков. Некоторые из них встречаются только у этих двух народностей и не наблюдаются у чукчей и азиатских эскимосов. Это вертикальные линии, увенчанные кружком с точкой, колеса со шпорами [см. 16, 177—180; 29, 127; ср. 16, 179, № 6, 7, 10, 11]. Весь комплекс резного орнамента коряков, как полагает С. В. Иванов, связан с искусством эскимосов и алеутов.

Много общего между алеутами и населением тихоокеанского побережья Камчатки прослеживается и в технике орнаментирования. Это аппликация (алеуты, коряки, ительмены), накладные швы с использованием шейного оленьего волоса (коряки, алеуты, ительмены). Не случайно также, по мнению С. В. Иванова, является и связь декоративных швов с техникой плетения корзин и циновок, которая «особенно заметна у алеутов и коряков» [16, 207].

Вряд ли такое единство целых комплексов орнаментального искусства алеутов и орнаментального искусства коряков и ительменов можно рассматривать как явления случайные или конвергентные. Об этом говорят и другие факты.

Брачные обычаи алеутов имеют ряд черт, которые сближают их с коряками и ительменами. Общим для тех и других было отсутствие экзогамных норм брака, многоженство, временное поселение жениха в доме невесты с целью отработки за будущую жену. У всех этих народов такая отработка могла продолжаться несколько лет.

Вот как описывает брачные нормы и обычаи алеутов И. Вениамин: «Вступление в брак возбранялось только единоутробным, другое же никакое родство и никакие причины не могли быть препятствием к тому» [8, т. II, 76]. После сватовства жених год или два должен был промышлять зверей в пользу родственников невесты, жить в селении невесты [8, т. II, 75]. «Многоженство не воспрещалось» [8, т. II, 77]. «Тамошние народы имеют у себя жен по две и по три», — писали Лазарев и Васютинский в 1764 г. [см. 1, 131].

А вот что писал С. П. Крашенинников о коряках: «Жен берут наиболее из своего рода, двоюродных сестер, теток и мачих, токмо не женятся на матерях, на родных дочерях, на родных сестрах и на падчерицах». Жениху «должно работать за невесту от 3 до 5 лет». «Коряки жен имеют по 2 и по 3» [17, 458].

Касаясь брачных обычаев ительменов, С. П. Крашенинников отмечал: «Запрещенные роды супружества токмо мать да дочь, а пасынкам мачих, вотчимам падчериц, братьям двоюродных сестер в жены брать позволяется» [17, 436]. «Когда камчадал пожелает жениться, то, высмотря себе невесту обыкновенно в другом, а не в своем острожке, переселяется жить туда... несколько времени работает, показывая удалство свое и проворство» [17, 434]. «Камчадалы имеют жены по две и по три, которых иногда содержат в одной юрте» [17, 436].

При сравнительном изучении погребальных обрядов алеутов, оседлых коряков и ительменов прослеживаются некоторые общие элементы, одни из них можно рассматривать как древние следы пребывания алеутов на Камчатке, другие — как следы отдаленного их влияния на ительменов и коряков. Погребальный обряд алеутов отличался рядом особенностей как от народов северо-западного побережья Америки, так и от народов северо-восточного побережья Сибири. Алеуты покойников помещали в погребении в сидячей позе, при этом их поверх одежды обертывали в кожи или циновки и крепко обвязывали, подтянув колени к груди. В некоторых случаях строили специальные гробницы («бараборки»). Тело умершего вскрывали, вынимали внутренности, на место их клали сухую траву и зашивали. Некоторых покойников клали в пещеры. Как отметил И. Вениаминов, «бедных и обыкновенных людей клали просто в вырытую яму, но также сидя» [7, 11].

С этим фактом как-то перекликается весьма интересное сообщение Н. Н. Дикова. Во время раскопок на восточном побережье Камчатки им обнаружены остатки весьма древнего погребения. «Захоронение совершено было в круглой, выдолбленной в твердом грунте яме» [12, 6]. Очевидно, погребенный был также в сидячей позе.

Черты общего сквозят и в древнем обряде захоронения ительменов и алеутов. Как писал С. П. Крашенинников, «камчадалы умерших загребают в землю одетых в платье, которое они носили, а сверх обшитых в чирел, т. е. в травяную рогожу» [17, 697]. Это общее — для ительменов и алеутов — завертывание покойника в циновки или кожи было в какой-то мере известно и корякам. В фольклоре коряков-алюторцев имеется указание на то, что умершего завернули в шкуры лахтака и обвязали ремнями.

Интересно в этой связи отметить, что алеутское слово *улякиг* «погребение» весьма близко слову *улювык* «погребать», «засыпать могильную яму», «засыпать вообще», которое имеется в ряде диалектов корякского языка и в чукотском языке.

Возможно, что Вениаминов был не совсем точен при описании погребальных обрядов алеутов. Имеется также более позднее указание на то, что алеуты обычных людей сжигали, а мумифицировали и хоронили чем-то особенно выделявшихся при жизни алеутов [25, 161]. Если это сообщение верно, то мы получаем еще одно подтверждение очевидных следов взаимовлияния алеутов и коряков. Коряки покойников, как правило, сжигали.

Помимо прямых свидетельств связей между алеутами и обитателями тихоокеанского побережья Камчатки можно привести и ряд косвенных из области, например, той же материальной культуры. Коряки и ительмены, как и алеуты, добывали тюленей отгоном, т. е. они пре-

граждали путь к воде находящимся на лежбище нерпам и тут их убивали.

Любопытным свидетельством сходства алеутов с коряками и в приемах и орудиях охоты, в средствах передвижения по морю служит карандашный рисунок коряков, изображающий охоту на тюленя [39, 726, fig. 246]. Его преследуют семь охотников на семи байдарках. Охотник с первой байдарки бросает в тюленя гарпун. Прием охоты, орудия, байдарки — все это очень походит на охоту алеутов на бобра. Такого способа охоты на тюленей не зарегистрировано ни у азиатских эскимосов, ни у чукчей.

У алеутов, подобно северо-восточным палеоазиатам и сибирским эскимосам, были в употреблении костяные заступы, которыми, видимо, пользовались для выравнивания и отгребания земли при постройках жилищ [22, 159, табл. 1, 2; 36, 89, pl. 26, № 36]. Общими или весьма сходными были у них рыболовные крючки и способы добычи рыбы на море.

Во время осенне-зимних праздников, которые были у алеутов и коряков, и те и другие в увеселительных целях пользовались деревянными масками. У тех и других в импровизированном представлении принимали участие по два человека [8, т. II, 86; 38, 81—86]. Среди алеутов и коряков широко была распространена игра с бесконечной ниткой, которую в определенном порядке надевали на пальцы рук, добываясь получения изображения (условного) какого-нибудь предмета, фигуры животного, птицы и т. п. В этом случае интересно то, что у алеутов и коряков таким путем создавались одни и те же фигуры, например: 'река', 'сеть', 'узел', 'мережа', 'невод', 'корзина' и др. [37, 64, fig. 23] 7.

Подтверждение алеутско-коряжских и частично алеутско-ительменских связей находим в языках этих народностей. В этой связи интересно отметить некоторые параллели, которые прослеживаются в лексике алюторского и карагинского диалектов корякского языка и в алеутском языке.

Алеутский язык ⁸

alak — нет, не имеется
akilig — опасность, то, что угрожает несчастьем или смертью
ang — да, подлинно, так точно
ang-ang — ox!
angan — дух
anaq — мать
kalikaq — письмо, бумага, пестрина
kala — дно сосуда
kilikdaq — пуп
taga — ну! берисы!
siguq — песок
сауақ — бубен
үкамақ — представление наряженных в особые одежды и маски

Алюторский и карагинский диалекты корякского языка

алла — нет, не имеется
ак'алъын — враг, противник
ан' — да, подлинно (только в женском произношении)
ан'и - н'и — ox!
ан'ан' — божество, дух
аня — бабушка
каликал — бумага, письмо, пестрина
калтыкал — дно сосуда
килкил — пуп
тугук! (побудительное междометие) — берисы! начали!
сгэй — песок
йайай (йарар) йайар — бубен
оккамак (уккумак) — деревянный столб, на верхнем конце которого бырезано лицо человека

⁷ Такую же игру мне приходилось наблюдать в 20-х годах у коряков-карагинцев.

⁸ Примеры алеутского языка заимствованы из работ: [7; 8; 33; 35; 36; 37; 38; 39].

үлякиг — погребение

ketax' — кета

камаq — глубоководная морская рыба

представляющего «хранителя селения» и установленного где-нибудь на окраине

улювык — погребать, засыпать могильную яму, засыпать вообще

к'этак'эт — кета

камак — земляной жук; русалка, заманивающая в воду людей и уносящая их в море (мифологический персонаж ительменов [см. 20])

Серьезные доводы в пользу алеутско-корякских и алеутско-ительменских связей находим в некоторых фонетических особенностях этих языков. Языкам и диалектам северо-восточных палеоазиатов (чукотскому, корякскому и ительменскому) свойственна одна фонетическая особенность — наличие гортанно-смычной фонемы, которая обычно предшествует гласным фонемам. В алеутском языке имеются три гласные фонемы: а, і, ы, все они могут сопровождаться гортанным смычным звуком («with a deep laryngeal intonation» [36, 129]), т. е. а^Е, і^Е, ы^Е. Аналогичную систему распространения гортанного смычного звука имеем в ительменском, корякском и чукотском языках. Интересно отметить сходство некоторых особенностей употребления гортанного смычного в алеутском языке и в карагинском диалекте корякского языка, где гортанно-смычный иногда произносится как һ. В. И. Йохельсон отметил два произношения ряда алеутских слов, в частности: і^Епux и һіпux «светильник». Аналогичное явление наблюдается в карагинском диалекте корякского языка, говорят а^Ет^Е ап и һаһан «собака» и т. п.

В алеутско-корякских связях, по всей видимости, следует искать объяснение происхождению названия *алеут*. Самоназвание их — *унанган*. Как видно, оно никак не связано с их современным названием. Неоднократно предпринимавшиеся попытки объяснить происхождение этого названия представляются малоубедительными⁹.

Впервые название *алеут* встречается в русских документах в 1747 г., т. е. после второй экспедиции В. Беринга. Как известно, переводчиками в этой экспедиции были коряк и чукча. По-видимому, они и дали это название унанганам. Современное слово *алеут*, *алеуты* — русская адаптация чукотско-корякского слова, в основе которого лежал корень *э'лев/а'ляв* «обматывать вокруг объемный предмет», «связать», «обвязать» [5].

Возникает вопрос: когда впервые появилось название *алывытылъын* (корякское) — во время экспедиции В. Беринга или раньше? В этой связи необходимо хотя бы вкратце изложить одно историческое предание коряков-алюторцев. Речь в нем идет о событии 1715 г. Датируется оно так точно по русским документам [19, 53—56, 73—80]. На берегу залива Корфа находился корякский Алюторский острожек. Его жители отличались воинственностью и непримиримостью с соседями. В 1715 г. при участии юкатиров и при помощи коряков соседнего Култушинского острога казаки обложили Алюторский острог. После нескольких недель осады жители этого острога ночью бежали из него на двух байдарках.

⁹ Обстоятельную сводку различных точек зрения по этому вопросу дал Л. С. Берг в книге «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга» [12, 225 и др.].

Первоначально они остановились на о-ве Карагинском. Однако и там не ужились. Покинули этот остров и двинулись далее на юго-восток Алявытыльэты, т. е. на Командорские острова. Так гласит это предание. Возникает вопрос: откуда у коряков-алиуторцев появилось название *Алявытыльэты* «Командорские острова», если до экспедиции В. Беринга (1741 г.) алеуты и Алеутские острова не были известны? Быть может, рассказ о бегстве коряков-алиуторцев к Алеутским островам в 1715 г.—позднейшее добавление к этому преданию? Для такого утверждения нужны доводы. А если их нет, то можно предположить, что алеуты были известны корякам-алиуторцам еще до того, как русские начали свои плавания к востоку от Камчатки. На самом деле, откуда же у коряков и ительменов такие яркие следы алеутской культуры, в том числе и языковые заимствования?!

Таким образом, перед нами оказывается целая система общностей, развившихся, видимо, в результате непосредственных связей алеутов с народностями тихоокеанского побережья Камчатки.

Очевидно, были правы Г. В. Стеллер [41, 73] и С. П. Крашенинников, полагавшие, что «американцы (так Г. Стеллер называл алеутов.— И. В.) имели некогда с камчатскими народами сообщение» [17, 179]. Как известно, мнения об азиатском происхождении алеутов придерживался И. Вениаминов [8, т. 1, 108]. Его поддерживал Л. И. Шренк [26, 261]. Никто из современных ученых, кажется, не оспаривает принципиальной стороны решения этого вопроса, т. е. азиатского происхождения алеутов.

Следы их культуры обнаружены и на о-ве Сахалин. На основе исследования ряда неолитических стоянок в южной и средней части Сахалина Р. В. Чубарова пришла к интересному и важному выводу. В результате сравнительного изучения собранных ею материалов наметились реальные связи Сахалина с Алеутскими островами, Камчаткой и областями распространения эскимосских культур. Эти связи Р. В. Чубарова прослеживает в комплексах предметов каменного и костяного инвентаря, в орнаментике (по кости), в керамике и др. [25]. Следовательно, и эти данные служат подтверждением существования в прошлом непосредственных связей алеутов с Сахалином.

В дополнение к сказанному нужно привести еще одно свидетельство. Раскопки на Охотском побережье, Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах дали массу общего материала, который принято называть охотской культурой [27, 1]¹⁰. Основную характеристику хозяйственных занятий носителей этой культуры составлял морской зверобойный промысел. В ряде традиций носителей этой культуры прослеживаются связи с алеутами. Так, на Хоккайдо и на Курильских островах были найдены лабрет [27, 10]. Погребения на Сахалине и Хоккайдо в некоторых деталях напоминают алеутские. Тела здесь погребались в согнутом положении, которое придавалось в результате специального связывания покойника. Весьма важны выводы японских антропологов Кодама и Ито. Обобщая данные краниологических обследований мужских черепов с Хоккайдо (Майоро), Кодама пришел к заключению, что население Майоро (охотское побережье Хоккайдо) произошло от алеутов и что оно совершенно отличается от айнов [27, 11]. Это категорическое утверждение оспаривается авторами цитированной статьи, однако и они признают, что Кодама и Ито «по меньшей мере показали достаточно близкое сходство между населением Майоро и обобщенными эскимосско-алеутскими племенами» [27, 12], а не айнами.

¹⁰ Изложение содержания этой статьи дано в рецензии Р. С. Васильевского [4].

Таким образом, следы алеутско-эскимосской культуры, и в частности, элементы ее алеутского варианта, прослеживаются не только на Камчатке, но также и на Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах.

Комплекс вышеизложенных фактов дает достаточно серьезные основания предполагать, что некогда предки алеутов были обитателями западного побережья Хоккайдо, видимо, Курильских островов и, несомненно, восточного побережья Камчатки. Это предположение подтверждается также исследованиями последних лет Ю. А. Мочанова [18] и Н. Н. Дикова [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов,— «Землеведение», т. XXVI, вып. 1—2, 1924, стр. 114—132.
- 1а. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946.
2. Богораз В. Г. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов,— сб. «АН СССР, академику Н. Я. Марру», XXV, М.—Л., 1935, стр. 353—357.
3. Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II. Религия, Л., 1939.
4. Васильевский Р. С. Новые данные по древним культурам северной части Тихого океана,— «Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук», вып. I, Новосибирск, 1966, стр. 131—135.
5. Вдовин И. С. К вопросу о происхождении названия «алеут»,— сб. «Страны и народы Востока», вып. VI, М., 1968, стр. 101—106.
6. Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков,— «Сибирский этнографический сборник», вып. III. «Труды Института этнографии. Новая серия», т. XIV, М.—Л., 1961, стр. 27—63.
7. Вениаминов И. Записки об Алеутских островах и калошах, СПб., 1840.
8. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела, т. I, II, СПб., 1840.
9. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области,— «Труды Института этнографии. Новая серия», т. XVII, М., 1951.
10. Диков Н. Н. Древнейшие культуры Камчатки и Чукотки. Автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. ист. наук, Новосибирск, 1971.
11. Диков Н. Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных,— «Труды Северо-восточного комплексного научно-исследовательского института», вып. 8, Магадан, 1964, стр. 5—27.
12. Диков Н. Н. Открытие палеолита на северо-востоке Сибири,— сб. «Вопросы советского Дальнего Востока (Тезисы докладов и сообщений на IV Дальневосточной научной конференции)», вып. II, Владивосток, 1965, стр. 5—6.
13. Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке,— «Известия РГО», т. 62, вып. 3, 1930, стр. 199—242; вып. 4, стр. 351—384.
14. Историко-этнографический атлас Сибири, М.—Л., 1961.
15. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., М.—Л., 1954.
16. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник, М.—Л., 1963.
17. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.
18. Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски (К вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку),— «Советская этнография», 1969, № 1, стр. 79—86.
19. Памятники сибирской истории XVIII века, кн. II, СПб., 1885.
20. Паньков Д. Герои северных легенд,— «Корякский коммунист», 9.II.1958.
21. Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия,— «Сборник МАЭ», т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 41—146.
22. Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки,— «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 153—179.
23. Соколов Ал. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницины и Левашова в 1764—1769 годах,— «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», ч. X, СПб., 1852, стр. 70—103.
24. Тед Бенк П. Колыбель ветров, М., 1960.
25. Чубарова Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина,— «Советская этнография», 1957, № 4, стр. 70—75.
26. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883.

27. Befu Harimi, Chard Chester S. A Prehistoric maritime culture of the Okhotsk Sea,— «American Antiquity», 1964, vol. 30, № 1, crp. 1—18.
28. Bogoras W. The Chukchee, vol. I. Material culture, New York, 1904.
29. Clark Donald W. Incised Figurine Tablets from Kodiak, Alaska,— «Arctic Anthropology», 1964, vol. 2, № 1, crp. 118—134.
30. Collins H. B. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska,— «Smitsonian Miscellaneous Collections», 1937, vol. 96, № 1.
31. Collins H. B. Outline of Eskimo prehistory,— «Smithsonian Miscellaneous Collections», vol. 100, 1940, crp. 533—592.
32. Durham Bill, Canoes and Kayaks of Western America, Seattle, 1960.
33. Geoghegan R. H. The Aleut Language, Washington, 1944.
34. Hrdlička Aleš, The Aleutian and Commander Islands and their Inhabitants, Philadelphia, 1945.
35. Iochelson W. Archaeological Investigations in Kamchatka, Washington, 1928.
36. Iochelson W. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands, Washington, 1925.
37. Iochelson W. History, Ethnology and Anthropology of the Aleut, Washington, 1933.
38. Iochelson W. The Koryak, pt I. Religions and Myths, Leiden — New York, 1905.
39. Iochelson W. The Koryak, pt II. Material culture and social organisation, Leiden — New York, 1907.
40. Laguna F. de, The archaeology of Cook Inlet, Alaska, Philadelphia, 1934.
41. Steller G. W. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Comandeur-Capitän Bering. Neue Nordische Beiträge, B. 5, Sankt-Petersburg, 1793.